

● Lm.8_666 P0Lm.8_666

Напуганный медведь

18+

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Напуганный медведь

«Автор»

2026

P0Lm.8_666 P.

Напуганный медведь / P. P0Lm.8_666 — «Автор», 2026

Это не история о том, как люди уходят в лес. Это история о том, как лес не отпускает. Здесь нет имён, которые можно запомнить, и нет надежды, за которую можно зацепиться. Есть только утро, которое начинается с холода. Дорога, которая ведёт в тайгу. Огонь, который не спасает. И тишина, которая громче любого крика. Люди приезжают, чтобы снять несколько кадров, подышать воздухом, побыть вдвоём. Они едят кашу, ходят по размеченным тропам, играют в «Мафию», ставят палатки, разводят костёр. Всё обычно. Всё очень обычно. Пока из-за деревьев не выходит тот, кто не смотрит ни на кого, кроме одной. Дальше — только детали. Это текст без чудес. Без героев. Без утешения. Только тайга. Только зверь. Только человек, который остался стоять.

Содержание

Глава	5
### Дисклеймер	6
### Глава 01. Мусорная свалка	8
### Глава 02. Приезд на турбазу	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Напуганный медведь

Глава

Оглавление

- ### Дисклеймер
- ### Глава 01. Мусорная свалка
- ### Глава 02. Приезд на турбазу
- ### Глава 03. Хруст
- ### Глава 04. Радио
- ### Глава 05. Второй день
- ### Глава 06. Третий
- ### Глава 07. Четвёртый день
- ### Глава 08. Будильник
- ### Глава 09. Поиски
- ### Глава 10. Расспросы продолжаются
- ### Послесловие автора
- ### Аннотация

Дисклеймер

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Все события, персонажи, организации, географические названия, диалоги, ситуации, описания, детали быта, обстоятельства, происшествия, природные явления, поведение животных, действия государственных и частных структур, судебные процессы, упомянутые в тексте, либо являются плодом воображения автора, либо использованы исключительно в художественных целях.

Любые совпадения с реальными людьми, как ныне живущими, так и ушедшими, с реальными событиями, местами, туристическими базами, маршрутами, компаниями, государственными органами, судебными решениями, а также с любыми иными фактами действительности являются случайными и непреднамеренными.

Автор не призывает к насилию, жестокости, причинению вреда, нарушению законодательства, дискредитации власти, отдельных лиц, групп лиц, профессий, организаций, народов, религий, убеждений, идеологий, социальных институтов или каких-либо сообществ. Все действия персонажей, включая противоправные, аморальные, опасные, неосторожные или ошибочные, описаны исключительно как часть художественного замысла и не являются руководством к действию, инструкцией, рекомендацией, оправданием, одобрением или пропагандой.

Автор не несёт ответственности за возможные эмоциональные реакции читателей, вызванные содержанием текста, включая страх, тревогу, подавленность, чувство бессилия, отвращение, гнев, чувство вины или иные переживания. Читатель самостоятельно принимает решение о готовности к ознакомлению с данным произведением и самостоятельно несёт ответственность за последствия такого решения.

Настоящее произведение содержит сцены, которые могут быть восприняты как жестокие, мрачные, натуралистичные, психологически тяжёлые, безысходные или травмирующие. Оно предназначено исключительно для взрослой аудитории, способной отличать художественный вымысел от реальности и не склонной к подражанию описанным действиям.

Описанные в тексте способы поведения в дикой природе, обращения с животными, использования средств защиты, организации туристической деятельности, а также любые иные действия персонажей не являются экспертными рекомендациями, инструкциями по выживанию, юридическими или медицинскими советами. Автор не является специалистом в области безопасности, туризма, зоологии, юриспруденции или иных профессиональных областей, затронутых в тексте.

Все возможные интерпретации, выводы, оценки и суждения, которые могут возникнуть у читателя при ознакомлении с произведением, являются исключительно субъективным восприятием читателя и не отражают позицию автора, его окружения, издателя или третьих лиц.

Автор осуждает любые формы насилия, жестокого обращения с животными, пренебрежения безопасностью, а также любые действия, которые могут привести к причинению вреда жизни, здоровью, имуществу или окружающей среде.

Настоящее произведение не преследует цель оскорбить чьи-либо чувства, унижить достоинство, разжечь ненависть или вражду, оправдать противоправное поведение, дискредитировать какие-либо органы власти, государственные символы, социальные группы, профессии, религии, убеждения или отдельных лиц.

****Возрастное ограничение: 18+ (или эквивалентный максимальный возраст в используемой юрисдикции).****

Глава 01. Мусорная свалка

Он пришёл не со стороны леса, а оттуда, где кончалась грунтовая дорога и начинался первый ряд контейнеров. Вышел между двумя ржавыми боками, задев плечом железный угол. Звук был глухой, как удар по пустой бочке. Он не остановился. Шёл медленно, низко опустив голову. Передние лапы ставил широко, чуть выворачивая внутрь. Задние ступали тяжелее, и после каждого шага в грязи оставалась глубокая яма. Шерсть на боках свалилась в сосульки. На левом бедре — корка засохшей грязи, треснувшая, как старая краска. От него пахло падалью, мокрой золой, застоявшейся водой и чем-то сладковатым, как гниющие яблоки.

Люди его увидели почти сразу. Они стояли у машины, четверо. Один сидел на капоте и курил. Когда медведь появился, он перестал курить. Рука с сигаретой опустилась. Остальные замерли. Никто не сказал ни слова. Стояли и смотрели.

Медведь их не замечал. Или делал вид. Он шёл к куче отходов, которая высилась у крайнего контейнера, — мешки, коробки, слипшиеся в одну массу. Пахло оттуда кислым и жирным. Он дошёл. Остановился. Опустил морду. Стал разбирать мешок зубами. Плёнка трещала. Из дыры вывалились рыбы хребты, кожура картофеля, хлебные корки, всё разом, одним влажным комом. Медведь ел. Ел неторопливо. Брал губами, не лапой. Жевал. Глотал. Иногда встряхивал головой, если прилипало что-то едкое. Слюна капала на землю. Он не облизывался. Просто ел.

Тот, что сидел на капоте, медленно сполз вниз. Встал на ноги. Окурок упал в траву, дымок пошёл вверх, тонкий, едва заметный. Он не затушил. Сделал шаг в сторону. Замер. Остальные стояли, как стояли. Руки у всех были опущены. Лица спокойные, но слишком белые, как у людей, которые держат крик внутри.

Медведь доел первый мешок. Перешёл ко второму. Тот был завязан, но где-то лопнул, и из щели вытекало что-то белое, густое, похожее на скисшее молоко. Медведь ткнулся носом. Отшатнулся. Фыркнул. С морды свисла белая капля. Он мотнул головой. Капля упала на лапу. Он не слизнул.

Постоял. Потом сел. Сел тяжело, всем весом, как садится старый зверь, у которого болят суставы. Передние лапы — в грязи. Голова опущена. Дышал он с хрипом. Бока ходили медленно, как мехи, которые плохо держат воздух.

Люди молчали. Долго. Тишина стояла такая, что слышно было, как в лесу, далеко, трещит сухая ветка. Или не в лесу. Может, под чьей-то ногой.

Потом тот, что стоял ближе всех, вдруг заорал.

Он заорал не слово. Просто звук, который вырвался из горла, как вырывается вода из прорванной трубы. Низкий, длинный, с хрипом. И руки вскинул вверх, растопырив пальцы. Широко, до предела, так, что куртка натянулась на плечах.

Остальные заорали следом. Сразу, не сговариваясь. Все четверо. Голоса разные — один высокий, почти визгливый, другой низкий, как из бочки, третий срывался на кашель, четвёртый просто орал без интонации, как сирена. Все вместе это звучало страшно, но не угрожающе.

Это был не боевой клич. Это был крик, которым гонят всё, что не должно здесь быть. Так гонят собак. Так гонят с огорода. Так гонят саму мысль о том, что мир может быть не только человеческим.

Руки у всех поднялись вверх. Они не махали. Просто держали ладони раскрытыми, растопыренными, как будто показывали: смотри, у нас есть руки, мы ими можем заслониться, можем ударить, можем прогнать. Кричали они не переставая. Лица покраснелись. У одного вздулась вена на шее. У другого изо рта брызнула слюна. Третий топнул ногой. Четвёртый просто орал, глядя не на медведя, а куда-то в небо, как будто обращался к тому, кто должен был всё это видеть.

Медведь вскочил. Резко, неестественно для такого большого тела. Из-под задних лап полетела земля, брызги грязи попали на ближайший контейнер. Он отпрянул на шаг, но не побежал. Голова поднялась. Глаза — маленькие, тёмные, без злобы. Он смотрел на орущих людей, на их поднятые руки, на открытые рты. Смотрел недолго. Потом развернулся.

Он пошёл прочь. Сначала шагом. Потом быстрее. Но не бежал. Уходил тяжело, неукложе, как уходит зверь, которого не гонят, а просто не пускают. Задние лапы оставляли в мокрой земле следы. Один след был глубже остальных — там, где он оступился. В яме стояла мутная вода. Она не успела стечь.

Люди продолжали кричать. Кричали ему вслед. Руки не опускали. Один сделал шаг вперёд, но остановился. Другой захрипел и закашлялся, но не замолчал. Кричали, пока медведь не скрылся за кустами. Ветки сомкнулись. Несколько секунд было слышно, как он ломает сухостой, потом — как шуршит листва. Потом тихо.

Тогда они замолчали. Разом, как по команде. Стояли, опустив руки. Тяжело дышали. Один сел на корточки и сплюнул. Другой вытер лицо рукавом. Третий отошёл к машине и закурил. Руки у него дрожали. Спичка ломалась дважды. Зажглась с третьей.

На земле, где сидел медведь, осталась вмятина. Глубокая, с ровными краями. В неё уже набиралась вода. Рядом — белая капля, та самая. Она лежала на траве, не впитываясь. Муравей подошёл, потрогал её усиками, ушёл.

Дождь начался минут через двадцать. Мелкий, ровный, без ветра. Он прибил пыль. Запах мокрой золы стал сильнее. Запах зверя — слабее. К вечеру от него не осталось ничего. Только вмятина в земле, которая к утру сравнялась с остальной грязью. И следы, уходящие в кусты. Но их тоже размыло.

Через день никто бы не сказал, что здесь был медведь.

Глава 02. Приезд на турбазу

Они подъехали во второй половине дня. Дорога была грунтовая, с ухабами, но не разбитая. Местами она сужалась так, что ветки еловых лап скребли по бокам машины. Звук был неприятный, как ноготь по жести. Пыль поднималась сзади, оседала на заднем стекле. В салоне пахло нагретым пластиком, дорожной грязью и чем-то сладковатым, что тянуло из леса. Может, дикая малина. Может, падалица. Мужчина ехал медленно, не обгоняя пустоту. Женщина сидела рядом, положив руку на колено. Иногда она отворачивалась к окну. За окном всё было одинаково: сосна, ель, берёза, снова сосна. Лес стоял плотно, сразу от обочины. Никакой кромки, никакой поляны перед въездом. Дорога просто прорезала тайгу, как старый шрам.

Турбаза появилась внезапно. Сначала — деревянный указатель, выцветший, с облупившейся краской. Буквы читались плохо. Можно было разобрать только общее: «.....а». Дальше — шлагбаум. Он был поднят. Столбик с шарниром, сама перекладина — из берёзового ствола, грубо обструганная. Рядом — будка. Окно заколочено крест-накрест доской, но не наглухо, а так, что одна щель оставалась. Внутри — темно. Дверь будки приоткрыта. Ржавая петля держалась на одном шурупе. Возле будки стояла пустая железная бочка. В ней лежал пакет с мусором. Пакет был разорван. Вокруг — разбросанные бумажки, но аккуратно, как будто кто-то уже собирал их, но бросил на полпути.

Дальше — проезд между деревьями, метров двести. Дорога здесь была отсыпана щебнем, но недавно, и щебень ещё хрустел под колёсами. По бокам — высокая трава, некошенная, с метёлками. Кое-где торчали пеньки. Не свежие, а старые, почерневшие, с трещинами, в которых уже рос мох. За деревьями угадывались силуэты домов. Сначала — один, потом — второй, третий. База открывалась не сразу, а по кускам, как будто не хотела показываться целиком.

Мужчина остановил машину у дощатого настила. Заглушил двигатель. Минуту сидели молча. Женщина смотрела вперёд, на дом с вывеской «Администрация». Вывеска была прибита тремя гвоздями. Четвёртый отсутствовал, и угол висел, чуть покачиваясь, хотя ветра не было. Воздух был неподвижный, тяжёлый, пахло смолой, сухой травой, старой золой. Где-то далеко стучал дятел. Ровно, с интервалом, как капля.

Мужчина вытер ладонью пот со лба. Вышел первым. Обошёл машину, открыл дверь с её стороны. Она вышла. Ноги у неё затекли, она чуть пошатнулась, ухватилась за дверную стойку. Постояла, разминая колени. Потом они пошли к администрации вместе. Шли по щепе. Щепка была старая, потемневшая, с проростками травы. Под ногами — мягко, но местами проваливалось, и слышно было, как хрустят сухие ветки под слоем опилок.

Администрация — одноэтажный деревянный дом, обшитый вагонкой. Вагонка серебристая от времени, местами отходила, и под ней виднелась чёрная плёнка. Крыша двускатная, рубероид. На рубероиде — пятна мха, в одном месте — заплатка из старого линолеума. Водосточная труба с одной стороны отсутствовала. Вторая висела на одном крюке. Крыльцо в три ступени. Ступени скрипели по-разному: первая — низко, вторая — высоко, третья — едва слышно. Перила отсутствовали. На двери — ручка, латунная, стёртая до черноты. Над дверью — козырёк, на нём — пустое гнездо. Под козырьком — паутина. В паутине — муха. Давно высохшая, полупрозрачная.

Внутри пахло деревом, пылью и чем-то сладковатым, как старая сушёная трава. Пол — дощатый, вытертый до блеска в центре, но у стен — матовый, серый. У входа — коврик, резиновый, с надписью, стёршейся до неузнаваемости. На стене — календарь за прошлый год. Лист загнут. В углу — фикус в пластмассовом ведре. Листья у фикуса были крупные, блестящие, но по краям — сухие пятна. Земля в ведре потрескалась. Рядом — пустая лейка.

За стойкой сидела женщина лет пятидесяти. Полная, с короткими волосами, крашеными в тёмно-рыжий. На ней была вязаная кофта, даже летом. Кофта на животе растянута, рукава закатаны до локтей. На стойке — открытая тетрадь, ручка без колпачка, пепельница из жести. В пепельнице — один окурок. Он был сломан посередине. Пепел не стряхнут. Окно за её спиной выходило на поляну. Рама была приоткрыта, но ветра не было. Штора висела неподвижно. На подоконнике — пустая банка из-под кофе. В банке — карандаши, но не пишущие, а просто огрызки.

— Домик на двоих, — сказал мужчина.

Женщина за стойкой подняла голову. Посмотрела на них без выражения. Глаза у неё были светлые, но не голубые, а как выгоревшие. Под глазами — мешки. Она не улыбнулась. Перелистнула тетрадь. Провела пальцем по строкам. Палец у неё был с обломанным ногтем. Она остановилась, постучала по листу.

— На сколько?

— На две недели.

— Пятый домик.

Она выдвинула ящик. Ящик пошёл туго, с скрипом. Внутри — несколько ключей, все на кольцах, но кольца разные: одно — стальное, другое — алюминиевое, третье — вообще согнутое из проволоки. Она взяла одно. Ключ был простой, плоский, с бороздками. Положила на стойку. Подвинула к ним лист бумаги.

— Распишитесь.

Мужчина расписался. Ручка писала плохо, он дважды нажал сильнее. Женщина за стойкой смотрела на его руку. Потом перевела взгляд на женщину. Та стояла у двери, глядя в окно. На неё не смотрела.

— Пятый домик, — повторила женщина за стойкой. — Идите по левой дорожке. Это крайний к лесу.

Мужчина взял ключ. Они вышли. Дверь за ними закрылась не сразу. Доводчика не было. Она просто притворилась, но не плотно. Осталась щель. Из щели пахло пылью и сладковатым.

База была устроена просто. Поляна, вокруг неё — домики. Полукругом. Четырнадцать домов, но не все целые. Два заколочены. Один — без крыши. Остальные — одинаковые, бревенчатые, небольшие. Каждый на сваях. Под каждым — продух, затянутый сеткой. Сетка местами порвана. Дорожки между домами выложены щепой. Щепа старая, потемневшая, с

проростками травы. Местами дорожки вообще сходили на нет, и тогда люди шли просто по земле, обходя муравейники.

Посередине поляны — костровое место. Большое, выложенное камнем. Камни закопчённые, треснувшие. Внутри круга — зола. Зола была серая, влажная, с вкраплениями углей. Вокруг — лавки. Лавки из горбыля, без спинок. На одной лавке лежала пустая пластиковая бутылка. Ветер её не трогал. Чуть в стороне — мангальная зона, три железных мангала. Они стоят в ряд. Один — на боку. У второго отвалилась ножка, и он стоял, наклонившись, как пьяный. Рядом — бочка с водой. Вода зелёная, с ряской. Над бочкой выются мухи. В бочке плавала ветка. Кора на ней отмокла, стала мягкой, как тряпка.

Дальше — столовая. Длинный барак, обшитый тем же горбылём. Окна большие, но немытые. На стекле — разводы, как будто кто-то проводил ладонью, но не до конца. Внутри — столы, лавки. Столы накрыты клеёнкой. Клеёнка с рисунком в цветочек, но рисунок вытерся на локтевых местах. Пахнет варёной капустой и хлоркой. У входа — умывальник. Над ним — зеркало. Зеркало мутное, в трещинах. Полотенце висело на гвозде. Оно было влажное, с серым оттенком. К нему лучше не прикасаться.

Столовая работала с девяти до девяти. Повар — мужчина, молчаливый, с татуировкой на предплечье. Татуировка старая, расплывшаяся, не разобрать, что было изображено. Он выходил из кухни редко. Только если кто-то долго стучал по стойке. Помощница — девочка лет семнадцати, всё время в наушниках. Наушники были старые, с проводом, один провод перемотан изолентой. Она раскладывала еду по тарелкам. Еда — простая: каша, суп, тушёное мясо, хлеб, чай. Порции большие, но невкусные. Хлеб резали толсто. Масло подавали в общем блюде. Мухи садились на край, но никто не гонял.

Рядом со столовой — баня. Отдельный сруб, низкий, с маленькой дверью. Чтобы войти, нужно нагнуться. Топится по предварительной записи. Дрова — берёзовые, лежат у входа, накрытые полиэтиленом. Полиэтилен рваный, края хлопают на ветру, но ветра нет. Внутри — два помещения: парная и моечная. В парной — полوک, каменка. Каменка старая, с трещинами. В моечной — бочка, таз, ковш. Ковш алюминиевый, мятый. Пахнет дегтярным мылом и сырым деревом. На полу — решётка из досок. Между досками — чернота. Вода не уходит полностью, стоит в яме под полом. Пахнет застоявшимся и мыльным.

Туалет — в стороне, общий. Деревянный, с выгребом. Дорога к нему выложена досками. Доски шатаются. Внутри — два отделения, мужское и женское. На дверях — нарисованные от руки знаки. Краска облупилась. Запах — резкий, с примесью извёстки. Извёстка насыпана неровно, горкой. На стенах — надписи. Карандашом, слабо. Одна: «Мы здесь были». Другая — неразборчиво, зачёркнуто. Руки мыть негде. Висит рукомойник на столбе, но вода в нём кончилась, и никто не налил. Из носика капало, но редко, раз в полминуты.

Душ — летний, на улице, за баней. Кабина из профлиста. Профлист тёмно-зелёный, ржавый по краям. Наверху — бак, чёрный, нагревается от солнца. Вода идёт тонкой струёй. На дне — песок. Пол деревянный, скользкий. Мыло — обмылок, лежит на камешке. Камень плоский, серый. Зеркало — осколок, прикручен к столбу. В зеркале не отражается почти ничего. Только край неба и макушка сосны.

Дальше, за домами, — стоянка для машин. Не огороженная. Просто утоптанная площадка. На ней — две машины: их легковая и старый фургон без заднего колеса. Вокруг фур-

гона — трава по пояс. Стекла пыльные. Внутри — пусто. На капоте — шишки. Много, целая кучка. Кто-то сложил. Непонятно зачем.

За стоянкой — тропа в лес. Широкая, накатанная. Ведёт вглубь тайги. Сначала идёт прямо, потом делится на три рукава. Один — к ручью, но ручей пересох. Русло завалено ветками. Второй — к вышке. Вышка деревянная, пожарная, прогнившая. Лестница наполовину осыпалась. Третий — просто теряется в черничнике. На тропе — следы. Людей мало. В основном — копыта, лапы, иногда — медвежьи. Медвежьи — большие, с пятью когтями. Совсем свежие. Но не сегодняшние.

Никакого забора нет. Ни электрического, ни деревянного. База просто стоит посреди леса. Граница — только линия, где кончается щепка на дорожках и начинается некошенная трава. Трава высокая, с метёлками. Дальше — сосны. Плотно, темно, глухо. Лес обступает со всех сторон. Стоит тихо. Даже птицы не поют, только дятел где-то в глубине. Но и он к вечеру замолкает.

Вечером включают свет. Дизель-генератор стоит в пристройке у администрации. Он гудит ровно, но негромко. Свет в домиках тусклый, жёлтый. Фонари на территории — два. Один — у столовой, другой — у туалета. Остальное — темнота. Настоящая, таёжная, без городского отсвета. В темноте слышно, как трещат ветки. Как кто-то ходит по щепе. Как скрипит дверь администрации. Как гудит генератор.

Пятый домик стоял чуть в стороне, ближе к лесу. Бревенчатый, с маленьким крыльцом. Крыльцо в одну ступеньку. Ступенька толстая, из лиственницы. Дверь открывалась внутрь. Петли смазаны давно, но не скрипели. Внутри — комната и узкая прихожая. Кровать двуспальная, матрас продавлен. Бельё серое, но чистое. Пахнет сыростью и стиральным порошком. Подушка одна, пододеяльник застёгнут не до конца. Стол, два стула. Шкаф с перекошенной дверцей. На окне — занавеска, выцветшая, с рисунком в клетку. На полу — половик, пыльный, с тёмными пятнами. В углу — ведро. На стене — полка. На полке — пустая банка. Ещё — свечной огарок. Свеча белая, простая, без запаха.

Мужчина поставил сумку на пол. Женщина села на кровать. Пружины скрипнули. Она провела ладонью по покрывалу. Пальцы оставили след на пыли, которой не было видно при дневном свете.

— Нормально, — сказала она.

Он не ответил. Подошёл к окну. Лес начинался сразу за домом. Сосны стояли вплотную. Ветки одной из них лежали на крыше. На подоконнике — сухая хвоя, несколько иголок. Он смахнул их ладонью. Они упали на пол. За окном было тихо. Только комар бился в стекло. Он не жужжал, а просто тыкался, беззвучно, как капля.

За дверью, на улице, кто-то прошёл. Шаги были тяжёлые, по щепе. Потом стихли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.